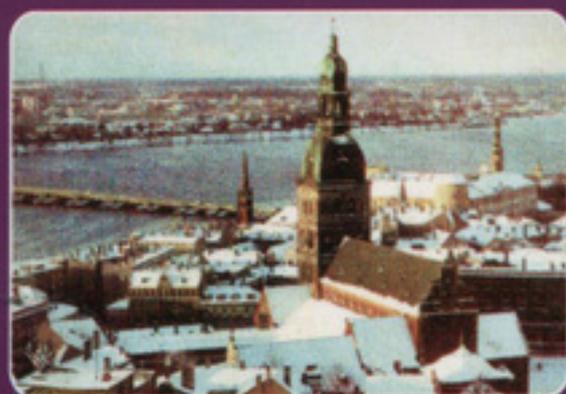

ИЛЬЯ ДИМЕНШТЕЙН

РИГА

*известная и
неизвестная*

2011

Илья Дименштейн

Рига известная и неизвестная

«AA PKS»

2011

Дименштейн И.

Рига известная и неизвестная / И. Дименштейн — «АА PKS», 2011

Новую книгу «Рига известная и неизвестная» я писал вместе с читателями – рижанами, москвичами, англичанами. Вера Войцеховская, живущая ныне в Англии, рассказала о своем прапрадедушке, крупном царском чиновнике Николае Качалове, благодаря которому Александр Второй выделил Риге миллионы на развитие порта, дочь священника Лариса Шенрок – о храме в Дзинтари, настоятелем которого был ее отец, а московский архитектор Марина подарила уникальные открытки, позволяющие по-новому увидеть известные здания. Узнаете вы о рано ушедшем архитекторе Тизенгаузене – построившем в Межапарке около 50 зданий, о том, чем был знаменит давным-давно Рижский зоосад, которому в 2012-м исполняется сто лет. Никогда прежде я не писал о немецкой оккупации. О Риге того времени рассказывают документы и рижане, с которыми мне удалось встретиться. На этот раз не прошел я мимо знаковых зданий – Домского собора, церкви Екаба, Петра, синагоги на улице Пейтавас. Их прошлое и настоящее приоткрывают реставраторы, архитекторы, настоятели и даже мастера по часам. О том, с кого лепили знаменитый фонтан «Нимфа» – у Оперного театра, и на каком рынке ваяли главный памятник Сталину, вы узнаете в главе о памятниках. Сегодняшняя Рига – это не только современные проекты, супермаркеты и банковские клерки, это и десятки людей, которые стараются сохранить уходящее прошлое. «Чудики» – говорил о таких Шукшин. Среди них продавец блошиного рынка, бывший инженер Слава, реставратор военной техники Андрей Красноперое, краеведы Владимир Якушонок и Артур Рейльян, летчик, создатель авиамузея под открытым небом Виктор Талпа, артист из Москвы, каждый отпуск возвращающийся в отчий дом – на улицу Вецпилсетас, Ян Янович Якобсон...

© Дименштейн И., 2011

© АА PKS, 2011

Содержание

Предисловие	6
Барахолки и рынки	7
Бульвары и дома	10
Зоосад и Межапарк	20
Кинотеатры и концертные залы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Илья Дименштейн

Рига известная и неизвестная

Предисловие

«Я хочу вам подарить кофейную ложечку из довоенного «Отто Шварца, – произнес по телефону приятный женский голос. – Музею жалко – завалывается в фондах, а вы что-нибудь напишите». Так я познакомился с рижанкой Ириной Урсой. До войны в знаменитое кафе хаживала ее бабушка и администрация в знак благодарности сделала ей несколько маленьких презентов. Эта история, вошедшая в новую книгу, стала одной из многих рассказанных рижанами. Краевед Владимир Якушонок водит нас по незнакомому Болдераю, объясняет, почему там уцелели самые старые деревянные дома города – 17–18 веков, а бывший постовой милиции Михаил Егорович Асташенков вспоминает о Межапарке 1950-х и том, что чаще всего крали там в те годы...

Новую книгу «Рига далекая и близкая» я писал вместе с читателями – рижанами, москвичами, англичанами. Вера Войцеховская, живущая ныне в Англии, рассказала о своем прапрадедушке, крупном царском чиновнике Николае Качалове, благодаря которому Александр Второй выделил Риге миллионы на развитие порта, дочь священника Лариса Шенрок – о храме в Дзинтари, настоятелем которого был ее отец, а московский архитектор Марина – подарила уникальные открытки, позволяющие по новому увидеть известные здания.

Узнаете вы о рано ушедшем архитекторе Тизенгаузене – построившем в Межапарке более 100 зданий, о том, чем был знаменит давным-давно рижский зоосад, которому в 2012 исполняется сто лет.

Никогда прежде я не писал о «немецкой оккупации». О Риге того времени рассказывают документы и рижане, с которыми мне удалось встретиться.

На этот раз не прошел я мимо знаковых зданий – Домского собора, церкви Екаба, Петра, синагоги на улице Пейтавас. Их прошлое и настоящее приоткрывают реставраторы, архитекторы, настоятели и даже мастера по часам. Мало кто другой знает часы в башне Петра лучше Игоря Щукина – обслуживает их четверть века.

О том, с кого лепили знаменитый фонтан «Нимфа» – у Оперного театра, и на каком рынке ваяли главный памятник Сталину, вы узнаете в главе о памятниках.

Сегодняшняя Рига – это не только современные проекты, супермаркеты и банковские клерки, это и десятки людей, которые стараются сохранить уходящее прошлое. «Чудики» – говорил о таких Шукшин. Среди них продавец «блошиного рынка, бывший инженер Слава, реставратор военной техники Андрей Красноперов, краеведы Владимир Якушонок и Артур Рейльян, летчик, создатель авиамузея под открытым небом Виктор Талпа, артист одного из московских театров, каждый отпуск возвращающийся в отчий дом – на улицу Вецпилсетас, Ян Янович Якобсон...

Барахолки и рынки

Ах, барахолка, барахолка...

В народе «Латгалес тиргус» называют по-разному: кто барахолкой, кто блошиным рынком. Но базарчик в Московском форштадте на улице Садовникова – достопримечательность нашей столицы.

В великолепной книге Гиляровского, знатока старой Москвы, «Москва и москвичи» рассказывалось о знаменитом дореволюционном рынке Хитрове. Наш блошинный и видится мне как Хитровка. И хотя здесь редко увидишь беспризорника, сходны они по разнообразию товаров. Чего только не купишь на нашей Хитровке! Гаечные ключи любых размеров любого года выпуска, амуницию советской армии, давно списанную в тираж сантехнику, которой в магазинах нет с начала девяностых. Однажды остановился возле прилавка с необычным товаром – выдавшие виды взфовские приемники, бэушные советские радиодетали, осциллограф. «Разве кому-то это надо?» – поинтересовался у продавца... «Есть любители. Я сам из их числа», – неожиданно ответил мужчина в очках, чем-то напомнивший мне изобретателя Шурика из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». «Если у вас есть время, я готов рассказывать».

Славик – так зовут продавца – бывший сотрудник конструкторского бюро завода «Гидрометрприбор». В начале 1990-х на рынке было много итээровцев – техническая элита почивших конструкторских бюро «Альфы», «Коммутатора», ВЭФа. Некоторые предприятия вроде бы работали, но зарплату люди не видели по полгода. В такой ситуации оказался и Славик.

Как-то они с семьей возвращались с дачного участка – перебивались с хлеба на воду. «Папа, а почему мы не можем продать яблоки с нашего участка, вон их сколько у нас?» – поинтересовался 12-летний сын. И на следующий день они уже были на набережной, где в конце 1980-х располагалась толкучка. Начинал Слава с даров собственного сада, потом продавал ненужную в доме технику, инструмент.

«Вскоре я стал незаменимым человеком, – вспоминает собеседник. – В стране был дефицит, не хватало простых деталей для ремонта утюгов, пылесосов, а у меня все это было под рукой. Если я не мог помочь, то обязательно давал совет, где что можно купить».

Впрочем, было и такое, о чем неприятно вспоминать. Некоторые бывшие коллеги, завидев его на рынке, делали вид, что не узнают. Кто-то полагал – сломался человек, спился и нет у него другого выбора, кроме как на барахолке торговать. Но это заблуждение – Слава вообще не пьет.

Сегодня у него не так много покупателей. Зато почти каждого знает в лицо. Это «чудики» – радиолюбители, конструирующие что-то для души, «коротковолновики», строящие радиостанции, ламповые усилители для музыки. В магазинах дорого, а качество не всегда на уровне. К тому же, по словам бывшего конструктора, советская техника была хоть и габаритной, но надежной.

«У меня собирается своего рода клуб технарей, желающих что-то создать, – рассказывает продавец. – Один, например, пытается продолжить опыт чешского ученого Николы Тесла, собиравшегося извлечь энергию из воздуха. Бывает даже член Национального совета по телевидению и радиовещанию. Он хоть и высоко забрался, а не может без барахолки. Нужны ему мои детали – он ведь в душе такой же «чудик», как и мы, советские технари».

Среди покупателей был и экс-премьер Марис Гайлис. Искал настольную лампу для каюты на яхте. У Славы была подвесная, но «командор» купил и ее. Не торгуясь – за 50 латов.

Пока мы разговаривали, к столу подошли отец с сыном лет двенадцати. Их заинтересовал осциллограф. «Это для вас будет дорого – 25 латов», – начал Слава. Однако это не остановило родителя – он купил технику, давно снятую с производства. «Пусть лучше сын этим занимается, чем у компьютера сидит. Это мы могли бесплатно в кружки юных техников ходить, а из них хотят сделать дешевую рабсилу», – жестко сказал отец.

Встречаются среди покупателей и коллекционеры радиоаппаратуры. В тот день, когда мы беседовали, у Славы можно было купить допотопные приемники «ВЭФ-Аккорд» и «ВЭФ-Балтика», «Фестиваль» и «Рига-10». Коллекционеры не просто покупают и ставят на полку, а восстанавливают до мелочей. Так, чтобы звучание потом было не хуже, чем у современных аппаратов.

Заходят и иностранцы. В основном немцы. Их интересуют старые приемники, фотоаппараты. Продавцы их ненавидят. «Они за сантим задавятся, – с лица Славы спадает добродушная улыбка. – Думают, что здесь обезьяны, готовые за банан визжать от восторга».

Бывают дни, когда покупателей можно пересчитать на пальцах одной руки. Летом выручка порой составляет 12–15 латов, а аренда киоска и стола в день обходится в 10. В лучшие дни удается заработать 40 латов. Но, судя по всему, богатым человеком Слава не стал. Вот диван нужно было менять, так он несколько месяцев выкраивал лишние 130 латов.

«Мне же в товар нужно вкладывать, – продолжает бывший конструктор. – На днях принесли измерительный инструмент с загнувшегося завода – порошковой металлургии. Инструмент хороший – не пропадать же добру».

...Рынок рынком, и все же на предприятиях технари получают побольше. Не думал ли Слава поменять место работы?

«Как-то уходил. Два года работал в другом месте. Знаете, что потерял? Независимость. Каждый маленький начальник норовит указать, построить».

...При незабвенном министре МВД Марисе Гулбисе «Латгальчик» собирались прикрыть, затем оставили в покое. Но иногда на рынке появляются крепкие ребята, которые пугают торговцев: скоро будете собирать манатки, здесь откроют супермаркет.

– Слава, а что будете делать, если рынок закроют?

– Не думал. Я, честное слово, не представляю жизни без него.

«Чрево Риги»

Центральный рынок открыли для посетителей в ноябре 1930-го. Это был понедельник. А в воскресенье на старой рыночной площади – у набережной Даугавы – лавочники пытались сбыть нераспроданный товар. О том, что тот рынок отслужил свое, свидетельствуют старые фотографии – его составляли сотни примитивных деревянных будок.

На набережной первый рынок прописался еще с 16-го столетия. Вонь, крысы, отсутствие нормальных складов, коммуникаций. Идея о строительстве нового рынка – между городским каналом и красными амбарами – появилась еще в царской Риге – в 1909–1910 годах. Планам помешала война. Вернулись к ним в 1922 году, когда Рижская дума приняла решение о строительстве нового рынка. Реализация заняла восемь лет.

Отцы города решили приспособить под строительство павильонов ангары для цеппелинов, оставленные кайзеровской армией в Вайнеде. За несколько миллионов латов их выкупили у комиссии, распорядившейся госимуществом. Но одно дело купить – другое демонтировать и перевезти в Ригу. Это вам не рыночный ларек перебросить. Длина одного «домика для цеппелинов» – 240 метров, ширина – 46, высота – 38. Конкурс выиграла фирма Stars. Демонтаж и перевозка заняли не один месяц.

Впишутся ли необычные конструкции в силуэт Старого города? Не испортят ли панораму? В 1923 году был объявлен международный конкурс. Из семи проектов выбрали лучший. Победители получили денежные премии, а городские власти заявили, что и этот проект их не удовлетворяет. На основе лучших идей предложили разработать новый. Для этого создали бюро *Tirgus jaunbuves birojs*, которое возглавил архитектор Павилс Дрейманис. К работе он привлек русских инженеров и архитекторов: В. Исаева, Г. Толстого, П. Павлова.

Первоначально ангары предполагалось приспособить для рыночных павильонов в оригинальном виде, однако от этой задумки отказались. Решили использовать лишь верхние покрывающие фермы ангаров, а сами павильоны строить из кирпича и железобетона. Окончательный проект предусматривал строительство пяти павильонов, самый крупный из которых предполагалось использовать для оптовой торговли и обработки мяса, четыре павильона поменьше – для розничной торговли мясом, молочными продуктами, хлебом, фруктами, птицей и рыбой.

Долгожданное строительство началось в июне 1924 года со сноса двух рядов красных амбаров. В ходе работ – в 1926 году – выяснилось, что в проект требуется внести дополнения, а это увеличивает смету. Сегодня подобное не стало бы препятствием, а тогда работы прекратили: два года в Рижской думе кипели страсти по поводу использования средств города. Лишь весной 1928 года возобновилась стройка и в ноябре 1930-го чрево Риги открыли для посетителей.

Старые газеты писали, что первые покупатели приходили, как на экскурсию – из зала в зал переходя. Но потом все встало на свои места. И как ни старались хозяева окрестных магазинчиков и лавочек сбивать цены – конкурировать с тогдашним «чревом Риги» им было не под силу.

Очевидцы рассказывали мне, что бичом тех лет, были карманные воровы. Почти все они крутились на рынке – нигде в городе не было такого столпотворения. Зазевался – прощайся с кошельком!

Случались и ЧП посерьезнее. В 1930-м перед Рождеством стояли теплые дни, а на праздники, когда рынок не работал, ударил мороз. Все овощи, оставшиеся в павильоне, замерзли. Из-за морозов вышел из строя и водопровод – в рыбном павильоне бассейны с рыбой остались без воды. После Рождества торговцы потребовали от городских властей возместить убытки.

Разговоры о том, что тогда на рынке не было левого спирта, вранье. По сведениям старых газет, в том же году на побережье Рижского взморья, в Меллужи, вынесло... 29 канистр со спиртом. Это была часть груза с торгового судна, шедшего в Ригу и потерпевшего крушение. А вскоре на Центральном рынке начали подпольно предлагать «спиртик».

Главный создатель «чрева Риги» Павилс Дрейманис после войны уехал в Австралию. Среди его наследия – кинотеатр «Палладиум», Рижский ипподром, средняя школа в Болдерае. Школа сохранилась и сегодня – интересное сооружение, выделяющееся на фоне деревянных домиков. Ее автор – был одним из пионеров функционализма в Латвии. Кстати, «чрево Риги» тоже считается образцом функционализма. Хотя, какое это имеет значение. У объектов архитектуры могут быть лишь два стиля: хороший и плохой.

На снимках: старый рынок. После сноса будочек сюда ринули подростки, бродяги – искали завалившиеся монеты, золотые украшения. Находили в основном пуговицы и ножи. «Чрево Риги» в начале 1930-ых.

Бульвары и дома

Деревянная Александровская

Один известный бизнесмен, как-то в пылу спора о деревянной архитектуре, сказал мне: «Знаете, за что я ценю Армитстеда? За то, что он снес деревянные дома в центре. Иначе, на месте нынешней Бривибас, у нас сегодня была бы вторая Калнциема».

Глядя на фотографию Александровской конца 19-го столетия, выполненную А. Шмитом, убеждаешься, что она тогда была сплошь деревянной. Ни одного каменного здания. И даже храм Александра Невского, который многие ошибочно считают каменным, из дерева.

Храм – самое старое здание, сохранившееся на Бривибас. Строительство началось в ознаменование победы над Наполеоном в 1820 году. Возводили всем миром, на народные пожертвования. Среди наиболее щедрых жертвователей были купцы: Павел Грачев, Михаил Бедров, Михей Попадъин. Строили лучшие мастера плотницких дел и резьбы по дереву. 31 октября 1825 года церковь была освящена во имя Александра Невского.

Через дорогу, на противоположной стороне улицы, еще одна достопримечательность. В этом деревянном двухэтажном здании в 1930-ые было кафе *Barberina*. Продержалось всего два месяца, хотя осталось в памяти старшего поколения – владельцем был Оскар Строк.

«Завтра, во вторник, в доме генерала Сникера (улица Свободы, 15) открывается впервые в Риге по заграничному образцу фешенебельное кафе-дансинг *Barberina* с оригинальным американским баром и восточно-турецким уголком», – писала газета «Сегодня» 14 сентября 1931 года. Сообщалось, что кафе будет работать до 2-ух ночи, поздние посетители смогут увидеть кабаре.

«В американском баре две очаровательные барменши в костюмах моряков, блондинка и брюнетка – «белая» и «черная», как их уже окрестила публика, – писала через неделю другая газета «Новый голос».... В турецком кафе интригует одетая в восточный костюм «восточная женщина»...»

У Строка, который сам руководил оркестром кабачка, планов было много. Там собирались обучать технике танцев, зимой, на крыше – оборудовать каток. Но не прошло и двух месяцев, как «Барберину» закрыли, а сам Маэстро оказался в кутузке – за долги. Известный композитор оказался плохим бизнесменом. Много не учел. В том числе, что напротив храм, а по тогдашним законам в радиусе 500 метров от него запрещена торговля алкоголем...

Если двухэтажное здание, в котором была *Barberina*, на старинной фотографии можно увидеть, то еще одна достопримечательность осталась за кадром. Дом купца Бодрова, который находился на углу Александровской и Мельничной (нынешней Дзирнаву). Сейчас на этом месте высится Латтелеком, а когда-то был двухэтажный особняк, в котором снимал квартиру великий Вагнер. В 1837 году он стал главным капельмейстером Рижского театра. Театр находился в Старом городе, поэтому капельмейстер вначале квартировал там. Но жилье было слишком дорогим, пришлось переехать подальше от центра – в тогдашнее Петербургское предместье. По новому адресу Вагнер переехал не один – с женой и свояченицей. Зимой 1839 –го в квартире капельмейстера часто собирались его друзья и по черновикам разыгрывали части оперы «Риенци», над которой он тогда работал. Пели под громовой аккомпанемент разбитого рояля. По воспоминаниям очевидцев, необычный шум в поздние вечерние часы привлекал внимание прохожих и «русские бородачи с удивлением останавливались под освещенными окнами и покачивали головами». В хорошую погоду Вагнера нередко можно было увидеть в открытом окне. Его биограф, Глазенац, писал, что многим

старожилам Петербургского форштадта запомнилось бледное лицо композитора, сидевшего у окна в шлафоке, с трубкой во рту, с турецкой феской на голове. А самому Вагнеру врезалась в память лишь ужасающая картинка Александровской улицы. Он вспоминал, что «по ней везли на открытых телегах к Двинскому базару (он располагался у набережной – И. Д.) замороженные свиные туши, разрубленные с головы до задних конечностей».

Еще одно интересное деревянное здание – на месте жилищного управления Рижской думы (в советское время там было «Ригас модес») – тоже видно на старой фотографии. Здесь находилась первая гостиница, открытая за чертой Старого города – Франкфурт – на – Майне. Очевидец писал, что это было одно из немногих мест в районе, где можно было нанять хороший экипаж. «Дальше виднелись только обшарпанные, неряшливо одетые «ваньки», готовые за четвертак везти пассажира чуть ли не на Северный полюс».

Летом 1869 года там остановился известный русский литературный критик Дмитрий Писарев вместе с украинской писательницей Марко Вочок.

В 1910-м в отеле жила мировая знаменитость – немецкий летчик Арнт. Он прибыл в Ригу, чтобы познакомить горожан с самым первым полетом самолета.

В 1930-ые гостиница была известна рестораном – Альгамбра. Его «гвоздем» было кабаре. Летом девочки выступали на открытой площадке, и смотреть на них приходил сам Шаляпин.

...Пройдет совсем немного времени и от деревянных домов Александровской мало что останется. Взгляните на открытку, выпущенную перед Первой мировой. От большинства зданий нет и следа.

Я люблю старую деревянную архитектуру. Вырос в деревянном доме в Гризинькалнсе. Но тут соглашусь с бизнесменом: лучше любоваться деревянной Александровской на открытках. А живые памятники деревянного зодчества сохранились во многих других местах: на улицах Мурниеку, Лиенес, Баласта дамбис, Калнциема, и, конечно, на Москачке.

Спасибо Рикману!

О Риге 1840-х годов принято считать, что это был немецкий город. Разве что Московский форштадт был населен русскими староверами. Это не совсем верно. Взгляните на открытку с литографии 1842 года, выполненную рижским художником Теодором Рикманом. Подпись переводится так: «Русские в овощных садах у Риги». Ныне здесь самый центр – район улиц Гертрудес и Стабу, а тогда было Петербургское предместье. Вдали видны шпили соборов Петра, Домского и Екаба, а церкви Гертруды нет и быть не могло. Ее начали возводить лишь в 1864-м. Деревянные, двухэтажные домишки тоже, конечно, были в предместьях, но их не разглядеть. Только в 1860-ые, после того, как Рига утратила статус городка-крепости, в предместьях разрешили возводить каменные дома. В том районе, что на литографии, первые появляются в 1880-ые годы. А пока это предместье, отделяемое от остальной территории палисадом и сторожевой будкой (их можно увидеть на рисунке).

О том, что много русских рижан занимались в те годы огородничеством, свидетельствует и бытописатель города далеких лет Иоганн Бротце. Он не только оставил словесные портреты русских рижан, но и зарисовал их. На его рисунках самые разнообразные типы – разносчик овощей, продавец калачей, плотник, батюшка. В 1826 году чудесам рижских огородников был посвящен доклад на заседании городского союза литераторов. «С давних пор, – говорил выступавший, кстати, немец, – русские огородники снабжают нас спаржей, дынями и огурцами из парников, расположенных в арендуемых в городе и в окрестностях его огородах. Они же снабжают нас различными южными фруктами и овощами в таком количестве, и по такой ничтожной цене и в такое необычное время, что за границей этому не поверили бы...»

Автор упоминал, что русскими огородниками ежегодно под дыни отведено 300 парников, под арбузы – 30, под русские огурцы – 450, голландские – 100. Не забывали огородники и про морковь, петрушку, салат, редис.

Еще на рубеже 19-го – 20 столетий русские огороды были в самых престижных нынче районах города – на Матиса, Бривибас (за Воздушным мостом), Лячплеша, Ганибу дамбис... В 1960-ые я с родителями не раз бывал у Смирновых, которые жили тогда на Рупниецибас. Взрослые шепотом говорили мне, что до войны у них были крупные огороды на Катринас дамбис, а часть родни Смирновых еще в 1944 подалась на Запад...

На литографии можно разглядеть фамилию автора: Теодор Рикман. Он прожил всего 38 лет. Родился в Риге в 1810-м, живописи учился на родине пращуров – в Германии. Диплом, дающий право работать учителем рисования, получил в Петербургской академии художеств, в 1846-м. Через год Рикман вновь отправился в Германию – в Дрезден, чтобы продолжить обучение, однако при загадочных обстоятельствах погиб.

В 1901 году Музей истории Риги и мореходства приобрел у дочери художника – Матильды Шиллинг – восемь литографий ее отца с видами города. Уникальные картинки из жизни Риги 1840-ых: латыши – продавцы дров у Рижского замка; польские евреи у Дома Черноголовых; эстонские крестьяне у городских ворот Риги; русские овощеводы в предместье; празднование Умур-Кумура в городе и другие. Известно, что художник посвятил Риге ни один десяток сюжетов – в 1901 году около 20 из них приобрело Рижское общество историков и исследователей старины. Но след этих работ теряется. А восемь гравюр, купленных в свое время Музеем истории города и мореходства, и сегодня можно увидеть в его фондах. И еще в коллекциях филокартистов – открытки – репродукции с этих гравюр.

Жил-был дворник...

Знаете, где в Риге впервые появилась знаменитая «шведская брусчатка»? На улице Тиргоню. А на какой улице жил дворник, оставивший послание потомкам? Тоже на Тиргоню.

Сегодня не многие рижане смогут на вскидку сказать, где находится Тиргоню – в отличие от тех же Смилшу, Вальню, Калькю. Тиргоню соединяет Домскую площадь с Ратушной, это то место, где еще пару лет назад был популярный «Пивной сад».

Впервые в документах улица упоминается в 14 столетии – *platea mercatorum*. В переводе с латыни – Купеческая, по латышски – Тиргоню. За 800 лет она не изменила этимологии. Феномен среди рижских улиц. Если на соседней Грешной (Грециниеку) издавна селились ростовщики и ратманы – члены Ратуши, то на Тиргоню – деловые люди – купцы. В сентябре 1898 года здесь торжественно встречали человека, первого пешком обогнувшего земной шар – рижанина Константина Ренгартена. «В витрине книжного магазина, что на Купеческой улице, разворотливый хозяин Дейбнер успел выставить портрет землепроходца», – писал «Рижский вестник». Дороги знаменитостей не случайно вели на Купеческую – здесь была лучшая в Риге мостовая. Тиргоню – первая городская улица, где в 1847 появилось новое покрытие – «шведская брусчатка». На рубеже XIX и XX столетий улица славилась эксклюзивными магазинами – в доме под номером 5/7, у Менцендорфа – можно было отовариваться «колониальными товарами» – кофе, табачком, заморскими винами, снедью, на противоположной стороне, в доме под номером 4, располагался магазин оптики Генриха Детмана. Фирма Детмана занималась «информационными технологиями далеких лет» – установкой первых телефонов. Роскошный дом с многочисленными скульптурами на фасаде хозяину проектировали сразу три архитектора – рижане Шель и Шефель, и их коллега из Любека Ган. Последнему Детман заказал нарисовать фасад. Денег не жалел: при покупке земли под строительство выложил 1200 рублей золотом за квадрат. Сумма неслыханная до этого при сделках с недвижимостью в Риге. В 1901 году дом Детмана украсил старинную улицу. Зда-

ние и сегодня стоит. На первом этаже нынче кафетерий, а в 1970-ые – 1980-ые тут тоже можно было взять кофе с булочками, этажом выше была кафеюшка «Синяя птица». Шороху там наводил «поручик Устинов». Читал стихи, передавал поэтические записки на соседние столики. Сегодня он щеголяет по городу в форме белого офицера, а тогда в кафе появлялся в гражданке. В бело-офицерском френче он иногда показывался на улице Ленина и оказывался в известном заведении на улице Твайка – психбольнице.

На открытке, по правой стороне улицы, возле самой Ратуши тоже примечательный дом. В средневековье в нем были винные погреба города. Дом был разрушен во время Второй мировой войны, на фрагменты погребов археологи наткнулись в 1960-ые годы.

На Тиргоню и в наше время продолжают раскопки. На том самом месте, где был «Пивной сад». До войны тут (Тиргоню 1 и 3) было два дома, от которых тоже ничего не осталось. В этих зданиях располагались банк, мореходная компания и страховое общество. Рижская дума много лет не давала добро на застройку участка. В конце концов «Пивным садом» пожертвовали. На его руинах обещают построить гостиницу. А пока место огорожено строительным забором. Не обошлось и без археологических находок. В стене подвала обнаружили бутылку, а в ней послание от дворника Фрициса Зокиса. Он сообщал, что дом на Тиргоню, 1 строил каменных дел мастер Валтер, а принадлежал он Адольфу Фрейбергу. Бутылка была спрятана в стену 29 сентября 1909 года.

Может, и нынешним дворникам стоит оставлять послания потомкам, глядишь, как Фрицис Зокис через века они попадут в историю? А потомки, раскапывая, скажем в 3009 году фундамент министерства земледелия, узнают, что в этом доме сто лет назад работали три тысячи человек, перекладывавшие бумаги с одной полочки на другую.

Как столица лишилась Юрмальского моста

В советское время в Риге мог появиться Юрмальский мост, улица Бикерниеку – превратиться в Залькална, а торговый центр «Долес» – в «Маскавас». О том, почему этого не произошло, мне рассказал историк Эрик Адольфович Жагарс. В те годы он входил в комиссию по наименованию улиц.

Комиссия работала при Рижском горисполкоме и собиралась по мере необходимости. Занималась она не только наименованиями улиц, мостов, но и кафе, ресторанов, магазинов. За год до открытия Вантового моста, в 1980-м, комиссия решала, как звать новую «улицу» через Даугаву.

– Я предложил назвать новый мост Юрмальским, – говорит Эрик Адольфович. – Он идет на взморье, а название звучит красиво на обоих языках – латышском и русском. Комиссия во главе с заместителем председателя горисполкома Лилией Приедниеце со мной согласилась. Поддержали идею и оба райисполкома, чьи берега соединял мост, – Октябрьский и Ленинский.

Впрочем, сам Жагарс не очень верил, что наверху предложение пройдет. Примут что-нибудь идеологизированное. Назовут либо Ленинградским – потому что Московский мост есть, Киевским – так как проектировали киевляне, или Дружбы народов. Как тогда было принято. Чутье не обмануло историка. Однако мост назвали Горьковским.

– Это было единоличное решение первого секретаря ЦК КПЛ Августа Восса. Узнали мы о нем буквально накануне открытия, – говорит Жагарс.

В 1971 году не стало известного латышского скульптора Теодора Залькална. Сверху спустили разрядку – срочно назвать его именем одну из улиц. Собралась комиссия. Были предложения переименовать в Залькална улицу Бикерниеку. Там, мол, находилась его мастерская.

– Я выступил против. Это означало изменение названия фактически целого района, – вспоминает собеседник. – Кто – то предложил переименовать улицу Вайрогу. Часть назвать Залькална, а за половиной сохранить старое название – Вайрогу. Но в итоге прошла идея, которую внес я. Предложил дать имя скульптора небольшой улочке за Двиной – Цодес. Там тогда располагались мастерские скульпторов. В итоге вскоре Цодес стала Залькална.

Но название продержалось недолго. Когда наступила Атмода, патриоты вспомнили, что Залькалин выступил против Зале – отца памятника Свободы. Собралась новая комиссия по улицам – Цоде вернули прежнее название. А Залькалну в буквальном смысле слова дали по башке. Перед Академией художеств стояла его голова: приказали убрать.

Торговый центр «Долес» вначале хотели назвать «Московским». Предложение исходило от торговцев. Комиссия посоветовалась и сказала: «Не пойдет! Москву могут дискредитировать». Начнут говорить: «Разбили яйца около «Москвы» или что – то в этом духе». Тогда и вспомнили о том, что рядом остров «Долес». Так торговый центр получил свое нынешнее название.

Мамуля

Одно из самых красивых зданий улицы Меркеля – Дом Рижского латышского общества. Латыши нередко называют его «мамуля».

Дом на Меркеля, 13 не всегда выглядел так. Первое здание было трехэтажным, с мансардной крышей. Построили его в 1869 году по проекту первого латышского архитектора Яниса Бауманиса. Примерно в то же время по соседству, на нынешней Кришьяна Барона, появилось еще одно его здание – Александровской гимзании (ныне Консерватории). Оба – в стиле неоклассицизма.

А нынешняя «Мамуля» ведет отсчет с 1910 года. Ее возвели на месте старой, сгоревшей при пожаре. Автор нового проекта – архитектор Поле. Панно на самом верху – с ликами древнелатышских богов – работа классика латышской живописи Яниса Розенталса. В 1938 по проекту Лаубе дом расширили, присоединив соседние участки земли. До войны это был самое роскошное общественное здание Риги. Только перестройка обошлась в миллион 280 тысяч латов.

Примечательно, что крестным отцом первой «Мамули» был немец Иван Химиллер. В монастырском кабачке, в Большой гильдии, он узнал, что в Риге живет народ, называемый латышами и что у него нет своего общества. Химиллеру не было дела до латышей, но он был помешан на создании всякого рода обществ. Незадолго до этого – создал общество пожарников. Отправился к своему соотечественнику ратману Холландеру и тот его поддержал – 10 ноября 1868 года возникло Рижское латышское общество. А еще через год на тогдашнем бульваре Паулуччи у него появилась крыша над головой.

Через три года на политехнической выставке в Москве латышское общество демонстрирует свои разработки. Результат – несколько высоких наград. Но успешнее всего латыши выступили в спортивных состязаниях по гребле. Растроганный великий князь Константин Николаевич вручил Янису Бауманису, который был не только талантливым архитектором, но и гребцом, дорогие настольные часы, серебряный портсигар и серебряный футляр для спичек.

Именно в «Мамуле» было принято решение о создании первого латышского певческого праздника – в 1873 году, там работали всевозможные комиссии (театральная, научная, этнографическая), способствовавшие становлению латышей, как нации. С именем общества связано создание Этнографического музея под открытым небом, Фундаментальной библиотеки Академии Наук, Музея истории.

В июле 1940 года «Мамуля» почти на 50 лет перешла в ведение Красной Армии – там был штаб, а позднее Дом офицеров Прибво. В годы перестройки литератор Андрис Колбергс писал: «... А здание на улице Меркеля как скала теперь разделяет латышский народ и Советскую Армию».

Между прочим, не Советская Армия захватывала здание – 5 июля 1940 года министр по общественным делам правительства Латвии П. Блаус закрыл общество, а здание вместе с инвентарем передал штабу Красной Армии. В конце концов спустя полвека «Мамуля» вернулась к первым владельцам, а первый русский театр, построенный на углу сегодняшних Кр. Валдемара и бульвара Кронвальда в 1901 году для русских актеров, до сих пор у Национального латышского театра.

В 1957 году на сцене Дома офицеров дебютировало знаменитое РЭО – Рижский эстрадный джазовый оркестр, в котором играл Эгил Шварц (муж популярной когда-то певицы Ларисы Мондрус), Раймонд Паулс. В подвале была популярная бильярдная, а в самом здании устраивались лучшие в городе вечера танцев.

Ворота в Задвинье

Это место при съезде с Каменного моста на улице Кугю архитекторы раньше называли «воротами в Задвинье». Обе стороны украшали каменные дома в стиле модерн. Нынче от ворот уцелела лишь часть – на месте одного из домов строится «замок света».

Улица здесь пролегла в 1867–м. Тогда она называлась Амбарной. Со всех сторон стояли амбары и склады – ведь параллельно тянулась главная торговая улица Задвинья – Каменная (Акменю). Постройкам нещадно доставалось от выходящей из берегов Даугавы – тогда вокруг не было ни защитных дамб, ни набережных. К тому же это была южная оконечность полуострова Кливерсала. Чтобы защитить амбары, их решили строить на сваях. Разговорами дело и закончилось. А вскоре на месте амбаров и складов начали возводить судоверфь. От нее в 1885–м улица и получила нынешнее название – Корабельная (Кугю). Первыми владельцами судоверфи были механик Ланге и якорщик Скуя. Строили катера, понтоны, пассажирские пароходики для сообщения по Даугаве. Суденышки регулярно курсировали между Задвиньем и центром города. Немало заказов судоверфь получала от городских властей.

Но все же самым известным предприятием района была фабрика Лелюхина. На предприятии русского купца, которое он открыл в начале нынешней улицы Акменю (у набережной), в XVIII столетии впервые в Риге началось промышленное производство черного балыка. Если Акменю составляли деревянные домишки с трактирами, постоянными дворами, кустарными мастерскими, то на Кугю возводятся первые на Кливерсале каменные доходные дома. Те, что появились при съезде с Понтонного моста (сегодняшнего Каменного), архитекторы и назвали «воротами в Задвинье».

«Ворота» хороши. Особенно дом на Кугю, 11/13, построенный в 1911 году архитекторами Лаубе и Малвессом. Шестиэтажный, с изящной угловой башенкой. Противоположный – с традиционной для рижских домов трапезиевидной башенкой, шпилем и флюгером, появился лет на десять раньше.

Судя по фотографии 1930–х, на Кугю находились еще несколько каменных домов. На первом этаже того, что спроектировали Лаубе и Малвесс, были ресторан, магазин. Возле ресторана можно увидеть легковое авто, у магазинчиков – привычных ломовиков, подвезших на подводах товар.

Интересная деталь интерьера – высоченный фонарь, которыми тогда освещали город. «Живьем» сегодня такие редко где увидишь. Один из уцелевших – в Московском форштадте, возле знаменитого рынка «Красная горка».

В 1930-е улицу называли Узварас булварис. Венчал ее парк, в котором сегодня русская Рига отмечает День Победы. Название он сохранил еще с довоенных времен – парк Узварас. Разбили его в 1909-м – в честь 200-летия вхождения Риги и Лифляндии в состав России. Назвали Петровским. 5 июля 1910 года тут посадили деревья члены царской семьи, приехавшие на открытие памятника Петру Первому. Старые фотографии увековечили Николая II и трех великих княжен. Они сажали дубки, выращенные в теплицах возле Петровского парка – нынешнего Виестура. В 1919-м, во время советской власти, какие – то вандалы выкопали их.

В 1923-м парк переименовали в Узварас, но лишь в 1930-е приступили к продолжению работ. «Вождь народа» Карлис Улманис мечтал построить здесь комплекс, который должен был бы затмить Берлинский олимпийский. Со стадионом на 25 тысяч зрителей, дворцом съездов и спорта на 10 тысяч человек и праздничной площадью на 200 тысяч. Там планировалось устроить и Праздники песни. В 1938-м объявили конкурс, но планам вождя помешала война. Однако один из праздников успели провести. У меня была когда – то старая открытка – приглашение на него.

С тех пор минуло много десятилетий. Сегодня новые вожди строят на той же улице свои «замки света». Удастся ли им стать чудом архитектуры, затмить библиотеки других городов Европы – большой вопрос. Но то, что они испортили визитную карточку Задвинья – ее ворота – факт. Уничтожили дом в стиле модерн, построенный здесь в начале XX века.

Рига грешных вождей

История многих мест города связана с необычными наименованиями, которые то появлялись, то исчезали. Например, в 1935 году в Риге открыли Карловский проспект – в честь Карлиса Улманиса. Он находился на месте нынешней 13 Января. Венчать новый проспект должна была площадь, которую собирались украсить монументом Улманиса. О перипетиях некоторых переименований мне рассказал старейший рижский историк Эрик Жагарс.

Из бобров в ткачи.

В царское время у улиц города была четкая географическая привязанность. Те, что находились в Задвинье, назывались от городов и населенных пунктов Курземе: Кандавас, Тукума, Вентспилс. Даже если сегодня кто – то ищет в городе улицу «курземского происхождения», может не сомневаться – она на левом берегу. Петербургское предместье называли населенными пунктами Видземе, а также трех уездов Лифляндской губернии – Пернавской, Виландской и Тербатской. Не случайно именно там улицы Цесу, Тербатас, Пернавас. Латгальское предместье связано с городами и поселками восточной части Латвии: Екабпилс, Лудзас, Ерсикас... Впрочем, и в те далекие времена с названиями хватало казусов.

– Бобры появились в городе не вчера, – рассказывает историк. – В Средние века они были настоящей головной болью горожан. Вся территория от нынешнего экономического факультета ЛУ – угол Аспазияс и Кришьяна Барона – до железнодорожного вокзала была перегорожена маленькими запрудами и дамбами. Это работа бобров. И пастбища, на которых там пасли скот, превратились в пруды. Потому и возникла в Старом городе улица Беберштрассе – Бобровая. Потом одну букву в названии заменили на Веберштрассе и она стала Ткацкой – Аудею. Хотя к ткачам район никакого отношения не имел.

«Селедочные» господа

Улица Кунгу тоже была в далекие времена не Господской, а... Селедочной. Там торговали селедкой. К тому же в Средневековье это была центральная улица на восток – по ней

везли в Россию селедку. Когда построили магистрат, Херингштрассе (селечочная) превратилась в Херенштрассе (Господская). Небольшое изменение – и совершенное иное звучание.

– Видимо, решили, что не подобает рядом с магистратом находиться Селечочной улице, поэтому и появилась более звучная – Господская, – продолжает собеседник. – В советское время она стала улицей Даугавас, а в 1990-е вновь вернули старое название – Кунгу. Но если восстанавливать историческую справедливость, тогда ей нужно было становиться Селечочной.

На Грециниеку тоже никогда не жили грешники. Во всяком случае, их там было не больше, чем в других местах. Там находился дом Сундера – члена магистрата. А Зундернштрассе – грешная. В фамилии домовладельца заменили букву, и у улицы изменилось значение. Если кто забыл, в советское время улица была названа именем Иманта Судмалиса – Героя Советского Союза.

В честь именин вождя

Сегодня новые историки говорят, что Улманис не был похож на диктатора. Дескать, скромный был, не любил панегириков. Эрик Жагарс только смеется над такой наивностью.

– После улманисовского переворота флаги полагалось вывешивать в стране не только в честь дня рождения вождя, но даже в день именин – 28 января. С этим днем и связан призыв дарить книги школам. Дарили как раз на его именины.

При Улманисе было немало переименований улиц и площадей. Вот лишь несколько: Эспланада превратилась в Виенибас лаукумс, Домская площадь – в площадь 15 Мая, улица 13 Января – в Карловский проспект.

С последним связана интригующая история. После переворота придворные подхалимы вспомнили, что улица 13 Января до революции была Карловской. Название 13 Января дали уже соцдемы в независимой Латвии – в честь событий 1905 года. Подхалимы назвали магистраль с претензией – Карловский проспект. По словам историка, ее хотели превратить в широченную магистраль, которую должна была венчать площадь.

План предусматривал снос зданий по обеим сторонам и строительство высоких, десятиэтажных. Строительство началось в створе Вальню (там и нынче стройка). Вырыли котлован, собирались возвести первое здание нового проспекта – Почтовый сбербанк. Но случилось непредвиденное.

– Когда котлован вырыли, из – под земли ударил вонючий фонтан, – продолжает собеседник. – Взяли пробу. Оказалось – сероводородный источник. Типа тех, что в Балдоне. Работы остановили. Решили, что когда-нибудь бальнеологическое заведение построят. Но все осталось на словах. Потом здесь скверик появился.

Не успели расчистить место и под Карловскую площадь – у набережной. Памятник вождю при жизни так и не появился. А там его хотели построить не случайно. Чтобы при въезде поездом в Ригу гостей сразу встречала фигура президента.

Даешь «латышскую панораму»!

По словам историка, на словах Улманис был против возвеличивания при жизни. Не позволил, например, улицу Тербатас назвать в честь себя, хотя подпевалы хотели. Он ведь жил на этой улице. Но решение мотивировал своеобразно. «Если моим именем назвать улицу, то и министры захотят улицы в свою честь. Но я то вечен, а они, каналы, будут уходить и приходить».

На новой площади – Виенибас – во время праздников постоянно звучали здравицы в честь вождя. Там шли постановки, в которых играли Улманиса. При этом сам он сидел в

ложе с дипломатами и смотрел на действие. Позже посол Англии писал, что это было отвратительно.

Ульманис собирался снести старые здания не только на Карловском проспекте. Улицу Калькю в районе нынешнего Театра русской драмы хотел превратить в широкую магистраль с выходом к Даугаве. Не успел, но на Ратушной площади под бульдозер пошли 16 средневековых домов. Там собирались возводить высоченную Ратушу.

– Самое интересное, что по проекту Ратуша должна была закрыть церковь Петра, – рассказывает Жагарс. – Ульманис сознательно шел на это, хотел, чтобы у Риги была новая латышская панорама вместо немецкой.

Но название парка 1905 года он не тронул.

– Он ведь сам 5 месяцев сидел в псковской тюрьме во время революции 1905 года, – говорит историк. – По обвинению в участии в революционных событиях. Выступал в вальмиерской газете со статьями о карательных экспедициях. Разобрались, сказали: не виновен. Словом, каким – то боком пострадал. Вероятно, поэтому и оставил название, которое дали парку соцдемы.

Кстати, во время переворота по приказу Улманиса парк занял расквартированный поблизости 5-й полк. Улманис боялся, что именно этот парк соцдемы превратят в свою крепость. Страхи оказались лишними.

Как Пельше бросили в Даугаву

После смерти бывшего первого секретаря ЦК КПЛ Арвида Пельше его именем назвали РПИ и строящийся телецентр на Закюсале. Письма туда присылали по такому адресу: набережная Арвида Пельше. Во времена Атмоды все эти названия поменяли. Но поступили как хунвэйбины. Сорвали гранитную доску с РПИ и утопили в Даугаве.

В советское время с наименованиями хватало идиотизма – появились площадь Чернышевского в Старом городе, улица Миера. До войны эта улица называлась Каролинес и лишь маленький кусочек у кладбища – Миера. Коммунисты решили: о, мир, это то, что надо. И всю улицу назвали Миера. А слово это означало спокойствие, умиротворение – ведь улица находилась у кладбища.

– Разговоры о том, чтобы вернуть улице Горького довоенное название – Валдемара, велись после горбачевской перестройки, – вспоминает Эрик Адольфович. – Но долго на это не решались. Валдемару просто не повезло – на улице находился ЦК. Во время обсуждений говорили: вот, мол, приедут высокие товарищи из Москвы и обязательно поинтересуются, в честь кого улица – революционера, большевика, писателя? Ах, младолатыша? А кто это такие? Поэтому подальше от греха и тянули с переименованием.

В конце 1980-х, когда Рижская дума скопом переименовала около сорока улиц, вышло не лучше. Никакой аргументации, объяснений – меняем советские на довоенные. Жагарс тогда не побоялся выступить против переименования улицы Стучки. Но ему даже никаких доводов не привели.

Лишь один пример действий современных чиновников от топонимики. В Пурвциемсе была улица Георга Гайле – в честь послевоенного директора ВЭФа. Сейчас она превратилась в Унияс.

– Но это глупость, – разводит руками Жагарс. – До войны была Униона иела. А названа она была в честь завода «Унион» – прадедушки ВЭФа, который в 1915 был эвакуирован в Харьков. Если переименовывать, то в Униона, а не в Унияс.

Алиса с улицы Алисес

Среди самых оригинальных сооружений Задвинья – водонапорная башня на улице Алисес. Ее автор тот же, что строил Академию художеств, – балтийский немец Вильгельм Бокслаф.

Два столетия назад в этих местах находилось поместье Шварца. Тогда многие состоятельные рижане на лето перебирались из душных крепостных стен за город. Со взможем еще не было железнодорожного сообщения, не было вилл в Межапарке, поэтому дачи и небольшие имения поднимаются прямо на левом берегу Двины. В 1812 году во время пожара почти все они сгорели. Но хозяин «Шварцмуйжи» не пал духом и через несколько лет построил новую усадьбу. Были тут и собственный лес, и аллеи, гроты, беседки, в которых можно было мило беседовать с прекрасными фрейлинами о Гофмане и Шиллере. В конце XIX столетия владельцы поместья решили открыть частную улицу – Луизы. Подали заявку в городскую управу. Власти не согласились – не понравилось название. Несколько лет ушло у владельца поместья на то, чтобы придумать новое. Наконец 19 декабря 1901 года возле улицы появилась табличка – Алисовская, частная улица. До Второй мировой войны тут было лишь несколько строений. Большую часть занимали лес и дюны. На их месте дома появились уже после войны.

Одним из самых первых сооружений Алисовской стала городская водонапорная башня. Она была нужна не только городу, но и жителям этого района – для улучшения водоснабжения. Работы продолжались несколько лет – с 1910 по 1912 год.

Если будете проходить поблизости, остановитесь около этого великолепного сооружения. Портал украшает герб Риги. С башнями, ключами, львом в городских воротах. Строительство велось из доломита, красного кирпича, традиционного для многих рижских общественных сооружений тех лет. Венчает башню черепичная крыша с флюгером. Под ним – глобус.

В орнаменте архитектор использовал и битое стекло от пивных бутылок. Рассказывают, что он сам гулял по окрестным улочкам и собирал бутылки из – под пива. Можно представить, с каким презрением смотрели на него господа в пенсне и с тросточками.

Строительство обошлось городу в 139 429 золотых рублей.

Высота башни при рождении – 32,5 метра, но в 1939–м она... подросла на 7,5 метра. Это было необходимо для ее более успешного функционирования. Крышу поднимали домкратом, а стены нарастили каменщики. Руководил перестройкой инженер Павел Павуланс.

У каждой из старых водонапорных башен Риги свое название. Те, что на Маза Матиса, – Анна и Жанна, задвинская – Алиса.

Отец Алисы прожил долгий век. Он родился в Риге в 1858–м. После окончания Рижского политехнического института до 34 лет работал помощником профессора Коха, а затем создал собственное архитектурное бюро. В Риге на счету Вильгельма Людвиг Бокслафа более двадцати зданий: многоэтажные жилые дома, общественные. Самые известные из них – Академия художеств, церковь Креста в районе Тейки – на углу улиц Ропажу и Крустабазницас, велосипедная фабрика Лейтнера на нынешней Бривибас, 137, дом для священника церкви Мартина на улице Баложу, 27 (сейчас тут Музыкальная школа им. Паула Юрьяна). Бокслаф – автор лютеранской церкви в Дубулты, рядом с вокзалом, усадьбы в Малпилсе, Яунмоксского замка. Один из лучших рижских архитекторов умер в Познани на исходе войны, в 1945 году. Ему было 87 лет.

Зоосад и Межапарк

...А попугай матерился на русском

Через год у Рижского зоосада юбилей – 100 лет. Сотрудники работают над книгой, которую планируют выпустить к круглой дате. В архивах, библиотеках обнаружены малоизвестные материалы.

Идея создания зоопарка принадлежит Георгу КУФАЛТУ – руководителю дирекции рижских садов. Куфалт – один из авторов Царского сада (нынешнего Межапарка) – еще в начале XX века предусмотрел там и зоосад. Детальный план появился в 1907 году. Помимо вольеров, дорожек и зеленых насаждений, на территории были запланированы пруды и каскад водопадов, наподобие тех, что в парке Аркадия. В то время «стройки века» возводились не так как сегодня – за счет государственного бюджета. Большую часть сумм жертвовали горожане. Вот и на сей раз обратились за финансовой помощью к рижанам. С планом будущей стройки, расходами можно было ознакомиться в брошюре «Наш будущий зоосад». Ее можно было бесплатно получить в книжном магазине у Пороховой башни.

Было основано общество по строительству зоосада, в которое вошли известные рижане: фабриканты, банкиры, депутаты думы. На помощь пришли газеты, призывавшие читателей поддержать благое начинание. Строительство зоосада объединило все сословия и национальности. Рекламную кампанию одинаково активно вели немецкие, русские и латышские газеты, а среди самых щедрых меценатов и спонсоров оказались немцы, русские, латыши. Почти у каждого вольера был собственный меценат. Вольер для медведей был построен на средства директора завода «Валдшлоссен» (ныне «Алдарис») Баха, дом для хищных птиц – фабриканта Гусева, рысей – каменщика Радзиня.

Еще до открытия зоосада развернулись дискуссии о том, по какому принципу отбирать животных. Общество разделилось на консерваторов и либералов. Первые призывали ограничиться лишь теми особями, которые обитают на территории Российской империи. Но в итоге последнее слово осталось за либералами. На плане первого путеводителя по зоопарку – вольеры примерно для 30 видов животных. Тут и львы, и обезьяны, и слоны. Везли из разных городов и весей. А корейского орла подарил капитан дальнего плавания Яновский. Уже позднее – в феврале 1914-го приехал царский подарок – два зубра. Их привезли по железной дороге.

Первым научным руководителем зоосада стал известный в Риге исследователь природы – орнитолог Фердинад ШТОЛ. Он сам фотографировал животных и давал им имена. И сегодня под старыми снимками можно прочитать имена. Косолапый Андрюша, лев Паша, львица Принцесса...

Весной 1912-го часть работ была позади, и зоопарк открыли для посетителей. На первых порах – бесплатно. Через несколько дней газеты написали о варварстве посетителей, о том, что издеваются над «братьями нашими меньшими». Администрация решила установить входную плату – дабы отсечь всякий сброд. Билеты стоили 15 копеек.

14 октября 1912 года состоялось официальное открытие. Визитной карточкой Рижского зоосада стали входные ворота в стиле модерн. Они уцелели и сегодня. Их автором, как и проектировщиком большинства других зданий, был архитектор Герман ЗЕЙБЕРЛИХ.

На должность директора пригласили Петра ОЛЬСЕНА. Уроженец Митавы (нынешней Елгавы), он долгие годы провел в Германии – работал в одном из тамошних зоопарков. А

зоологом вместо Штола стал другой известный ученый – Карл ГРЕВЕ. В 1914-м он был назначен директором зоопарка.

В списке первых смотрителей, ухаживающих за животными, представители разных национальностей. Но больше всего татар. За медведями присматривал уроженец Поволжья Юсупов. Однажды на глазах у посетителей косолапый Андруша так сжал его в объятиях, что Юсупов закричал. Кто-то из зрителей выхватил револьвер и выстрелил в медведя. Тот от боли прокусил ногу смотрителю. Карета скорой помощи отвезла Юсупова в больницу. По словам сотрудников зоопарка, это не единственный случай нападения животных на людей. Но самый первый официально отмеченный.

В январе 1913-го сгорело одно из лучших зданий – обезьянник. Это было тогда единственное отапливаемое помещение и зимой туда переселили часть теплолюбивых животных. «...В 10 часов от искры из камина загорелось главное здание зоосада. Несмотря на большое количество пожарных, которые работали до утра, пламя остановить не удалось», – писали газеты. Некоторые животные погибли. Но обезьяны не пострадали. Работники зоосада перенесли их из горящего здания в... ресторан, находившийся на его территории. Ночью их отпаивали теплым чаем.

Ресторан также был визитной карточкой зоосада. Туда приезжали даже из центра – это было единственное питейное заведение города, открытое всю ночь. Работал оркестр. Построили питейное заведение на деньги пивоваренного завода «Валдшлоссен», которое вначале сдавало здание в аренду, а затем передало в собственность зоосада. Но пиво там должны были продавать только этого предприятия.

Ресторан работал до 1940 года. Корпуса здания уцелели и сегодня. Достопримечательностью ресторана был говорящий попугай. Он прописался в питейном заведении после пожара и встречал посетителей у входа. Чаще ругался на русском. Но когда был в настроении, говорил: «Здравствуйте!».

На снимке: знаменитый дореволюционный ресторан.

Творец альпийской риги

В советское время на натурные съемки альпийских домиков кинематографисты ездили вовсе не в Швейцарию, а в Межапарк.

Дома в «швейцарском стиле», построенные здесь еще до Первой мировой войны, с ажурными деревянными украшениями, живописными мансардами и башенками, ничем не уступали альпийским. Главным автором этого «альпийского чуда» был архитектор Герхард фон Тизенгаузен. Из 109 домов, построенных в Царском лесу – так называли район до Первой мировой войны, 49 созданы им.

Имя Тизенгаузена сегодня знакомо лишь узкому кругу специалистов да особо подкованным жителям Межапарка. Горожане больше знают Хаберланда, Бокслафа, Эйзенштейна, Лаубе, Антонова. Хотя, по мнению историков архитектуры, заслуги Тизенгаузена бесспорны. Шармом, элгией, притягательностью Межапарк во многом обязан именно ему.

Тизенгаузен прожил всего 39 лет. Его биография до последнего времени была малоизвестна. Только одна деталь: в Латвии не было ни одной фотографии архитектора. Краевед Саулцерите Виесе в Ванкувере разыскала сына архитектора. Он передал фотографии отца, некоторые документы, проекты.

В Балтии потомки Тизенгаузена оказались еще в 1223 году. Энгельбертус Тизенгаузен упоминается в хрониках в числе приближенных рижского епископа. Среди пращуров зодчего были историки Ливонского ордена, комендант Рижской крепости времен Северной войны, художники, писатели.

Будущий архитектор родился в Дерпте, нынешнем Тарту, в 1878 году, в семье профессионального военного. После окончания гимназии в Ревеле (Таллине) поступил на военную службу, однако понял, что это не его призвание... В 1900-м продолжил образование в Риге – в Политехническом институте. Вуз тогда гремел на всю Россию. К примеру, будущий писатель Пришвин приехал сюда учиться из Тюмени. Как и Пришвин, Тизенгаузен вначале штудировал химию. Но через несколько лет перешел на другой факультет – инженерный. В 1907-м получил диплом инженера – архитектора с правом «руководить любыми строительными работами и проектировать любые строения и здания».

Что бы сегодня сделал молодой человек, получив диплом, дающий право строить все? Начал бы участвовать в конкурсах. А Герхард отправился совершенствовать знания в Париж. Уже после приезда он стал обкатывать знания на практике – пока лишь ассистентом у рижского архитектора Тромповского. Имя тоже известное в латвийской архитектуре. Рижские высотки начала XX века – шестиэтажки – созданы по проектам Тромповского.

Первый самостоятельный проект – лютеранскую церковь – Тизенгаузен построил в России, в Новороссийске. Год поработал в Петербурге, а в 1910-м вернулся в Ригу – стал архитектором Рижского строительного управления. В это время оно вело застройку в южной части Межапарка. До Первой мировой войны Тизенгаузен успел построить там 49 домов. Среди прочего и дом для своей семьи, которой он обзавелся в 1912 году, – на улице Щецинас, 5.

Первая мировая война. Представляете ситуацию: Германия напала на Россию! Если проводить некоторые параллели с сегодняшним днем, то балтийские немцы должны были быть в Риге пятой колонной. Но в той Риге все было иначе. Больших русских патриотов, чем балтийские немцы, найти было непросто. Тизенгаузен становится военным архитектором. Но уже не в Риге, а в России, куда эвакуируется вместе с армией. Последней его работой стало проектирование казарм в Тирасполе, однако закончить ее он не успел. 26 октября 1917 года архитектора не стало. Точных данных о причинах смерти нет: по одной версии – ранение, по другой – автоавария. Как бы то ни было, создатель «альпийской Риги» ушел из жизни практически в тот день, когда в Петербурге произошла революция. А может, к лучшему, что он об этом не узнал?

Дом на улице Висбияс

За долгие годы накопилась целая «коллекция» интересных домов: с причудливыми флюгерами, чеховскими мансардами, старинными витражами на окнах и дверях.

Такие «экспонаты» можно увидеть в самых разных местах: в Болдерае и Торнякалнсе, Московском форштадте и на улице Миера, Артилерияс и Бривибас. Есть в «коллекции» и старинный дом на проспекте Висбияс, 2.

Давно хотелось заглянуть в этот уголок «альпийской Швейцарии», созданный по проекту Герхарда фон Тизенгаузена. В кондитерской возле дома – с символическим названием «Густав Адольф» (по имени шведского короля, в честь которого эту местность когда – то нарекли «Царским лесом») – встретил свою давнюю знакомую по университету. Оказалось, Лариса нынешняя хозяйка этого дома. Грех было не воспользоваться любезностью и не заглянуть в гости.

– С улицы дом сегодня выглядит почти так же, как и при рождении – в 1912 году, – рассказывает хозяйка. – Но сделать это было непросто. Архитектор Тизенгаузен, построивший до революции окрест десятки особняков, этот возводил для семьи Фрейбергов. Глава семейства был врачом. Хозяева выезжали сюда только летом. Это был их загород, своего рода Рижское взморье. Сообщение с центром – даже ближе и удобней: курсировал трамвай.

Вокруг великолепный лесопарк. При строительстве домов сосны во дворах вырубали очень редко. Они и сегодня со всех сторон окружают фасад.

Заходим внутрь. На первом этаже – старинный камин, выложенный белой кафельной плиткой. Сто лет назад тут была гостиная, на втором этаже – спальни, ванная. Горячей воды не было, ее грели и наливали в ванну. На самом верху, под остроконечными крышами, располагалась мансарда. Часть фасада, как и интерьер, была выполнена из дерева.

В 1940-м Фрейберги – немцы по национальности – выехали в Германию, дом национализировали. После войны частный особняк разделили на муниципальные квартиры – люди вселились даже в чердачные помещения. Те, кто жил наверху, по словам хозяйки, приторгивали наркотиками, другие соседи не просыхали от пьянства. Нетрудно представить, во что превратилось спустя десятилетия наследие известного архитектора. Не обошлось и без пожара – к счастью, огонь задел лишь небольшую часть мансарды.

– Когда в 2006-м мы купили этот дом, фактически от первоначального проекта уцелели каркас и фундамент, – продолжает хозяйка. – Правда, последний строили на века – из валунов. Немцы все делали основательно. Когда в наше время перемеряли территорию лазерными приборами, оказалось, что параметры один к одному совпадают с теми, что выполнены в 1912 году саженью.

Из 109 домов, построенных Тизенгаузенем в Межапарке, сегодня уцелели чуть больше четырех десятков. На месте некоторых дач виллы из стекла и пластика. Для хозяев меньше хлопот и средств. Однако владельцы дома на Висбияс, 2, решили пойти по другому пути – восстановить здание по первоначальному проекту.

– Я выросла недалеко от Межапарка, – продолжает знакомая. – Для меня наследие прошлого – не пустые звуки.

В качестве экспертов владельцы дома привлекли Госинспекцию по охране памятников культуры. Шаг за шагом восстановили крышу, фасад, окна, двери. Во времена Тизенгаузена сосну и дуб, который шел на отделку, изготавливали по особой технологии. Спиливали деревья только зимой, когда они «спали», сушили 5–10 лет. Сегодня пиломатериал подготавливают ускоренным методом, а это отражается на качестве. Хозяевам долго пришлось искать деревья, подготовленные по старинке.

От владельцев частных домов нередко приходится слышать: хотите проблемы – купите дом. Ремонт в нем никогда не заканчивается. Вот и у Ларисы работы выше головы. Кризис коснулся всех. Тем более первоначальная смета в ходе работ выросла вдвое.

Межапарк, пожалуй, самый престижный район города. Продать дом здесь и сегодня не так сложно. Но хозяева не хотели бы на это идти – у дома теперь вновь появилась душа.

– Это не просто наша собственность, а наследие города, за которое мы в ответе перед детьми и внуками, – объясняет Лариса.

По ее словам, государство тоже могло бы протянуть руку помощи тем, кто спасает старинную деревянную застройку. Существуют европейские фонды на восстановление исторического наследия. Но о Межапарке вспоминают лишь раз в год – во время Праздника песни.

Что увидят наши внуки через двадцать – тридцать лет? «Замки света», «стокманны», кварталы из стекла и пластика в Старом городе или подлинные памятники архитектуры прошлого, оставленные нам предками?

Кинотеатры и концертные залы

Незабываемая «Диана»

В 1924 году в Задвинье, на улице Калнциема, 32, недалеко от Агенскалнского рынка открылся кинематограф «Диана». Давайте, заглянем на один из киносеансов. А поможет нам в этом дочь владельца кинотеатра Ольга Бундзенице.

...Рига постепенно приходит в себя после Первой мировой. Восстанавливается трамвайное сообщение, открываются кафе, гостиницы. Именно в это время предприимчивый молодой человек Рудолф Зариньш и выкупает у государства пятиэтажный дом на улице Калнциема, 32. Верхние этажи сдает под квартиры, на первом – открывает «синема». Идею предложил шурин – 25-летний Артур Германис, он и занялся новым делом. Его супруга придумала название – «Диана».

Прошел год, прежде чем заброшенные помещения превратились в кинотеатр. И вот рекламные афиши – в городе. Вездесущие мальчишки обклеили ими не только тумбы – стены домов, школы, витрины магазинов, трамвайные остановки и даже пристань в Агенскалнсе. Проходим трудно было не остановиться: с афиш смотрели факиры и махараджи, полуобнаженные танцовщицы, вступившие в схватку с огненной змеей. А если еще лента называлась «Вампир», «Гильотина» или «Индийские гробницы», ноги сами несли вас на Калнциема, 32. Впрочем, шансы, что сразу удастся попасть в зал, не велики. «Диана» работает только по выходным, а желающих – хоть отбавляй. Вы молоды, со спутницей, и готовы отстоять за билетами хоть пол-дня. Долгожданные белые бумажки – в руках. Вперед!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.